

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XVI ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения по иранистике)

Часть II

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1982 г.

- 3 А. Горковенко. Понятие ступени и проблема строя, - "Советская музыка", 1969, № 8, стр. 75-78.
- 4 А. Л. Грюнберг, И. М. Стеблин-Каменский. Языки Восточного Гиндукуша. Ваханский язык. М., 1976.
- 5 "Иранская филология. Краткое изложение докладов научной конференции, посвященной 60-летию профессора А. Н. Боддырева", М., 1969.
- 6 Ф. Кароматов, Н. Нурджанов. Музыкальное искусство Памира. Книга первая. М., 1978 (Булбулик, стр. 43-46).
- 7 С. И. Климчицкий. Ваханские тексты, - "Труды Таджикостанской базы АН СССР", т. III. Лингвистика. М.-Л., 1936, стр. 75-124.
- 8 Бурхан-уд-Дин-хан-и-Кушкеки. Каттаган и Бадахшан. Перевод с перс. под ред. А. А. Семенова. Ташкент, 1926.
- 9 Б. Лашкарбеков. Базье намунаҳои назми вахонӣ, - сб. "Памирские языки и фольклор", I. Душанбе, 1972, сах. 143-147.
- 10 Т. Н. Пахалина. Образцы ваханской народной поэзии, - сб. "Проблемы восточного стихосложения". М., 1973, стр. 68-76.
- 11 Т. Н. Пахалина. Ваханский язык. М., 1975.
- 12 Кирилл Станкович. В горах Памира и Тянь-Шаня. М., 1977.
- 13 Burhān-ud-Dīn-xān-i Kuškakī. Bahnamā-yi Qattāgan-u Badaxšān...; Kabül, 1303/1924.
- 14 D. L. R. Lorimer. The Wakhi Language. Vol. II (Vocabulary and Index). L., 1958.
- 15 D. L. R. Lorimer. Werchikwar-English Vocabulary. Oslo, 1962.
- 16 Die persischen Vogelnamen. Inaugural-Dissertation... vorgelegt von Ulrich Schapka aus Hanau, 1972.

Н. Н. Туманович

К ВОПРОСУ О СЛОЖЕНИИ ПОВЕСТИ "1001 ДЕНЬ"

Вскоре после первого знакомства европейской публики с арабским циклом "1001 ночи"¹, в Париже в переводе с персидского языка на французский вышла в свет еще одна повесть в этом жанре - "1001 день"². В предисловии к изданию переводчик Франсуа Пти де ля Круа писал, что рукопись повести была получена им от исфаханского суфия Мухлиса, который в юности занимался литературным трудом. По словам Пти де ля Круа, повесть "1001 день" принадлежала перу Мухлиса, который позволил ее

переписать. К сожалению, Пти де ля Круа этот список утратил.

За первой публикацией последовал ряд переизданий - 1729, 1766, 1783 и др. Одновременно с ростом популярности книги все шире распространялись толки о том, что автор повести "1001 день" сам Пти де ля Круа.

Надо сказать, что основания для такого суждения были и не только потому, что персидский оригинал повести был потерян: Пти де ля Круа настолько свободно владел восточными языками, что еще в 1670-х годах составил по-арабски "Историю кампании Лдовика XIV в Голландии", а в 1708 г. написанная им по-персидски "История Лдовика XIV" была поднесена шаху. Зная об этом, скептики полагали, что "1001 день" - переделка "1001 ночи", а настроенные наиболее категорически утверждали: поскольку повесть "1001 день" не известна ни на арабском, ни на турецком, ни на персидском языках, значит автором последней может быть только сам Пти де ля Круа.

В 1713 г. Пти де ля Круа умер, так и не рассеяв подозрений, а загадка повести "1001 день" продолжала волновать умы востоковедов около двух столетий. Подытоживая споры по этому поводу маститый французский ориенталист Шовэн, живший на рубеже XIX - XX вв. образно писал, что Пти де ля Круа "вышивал" свои узоры "по канве, которую имел перед глазами". И еще - менее поэтично, но зато более четко - он высказался так: "Несомненно, что сказки почерпнуты [Пти де ля Круа] из рукописей на персидском и турецком языках". Тем самым вопрос об авторстве Пти де ля Круа был поставлен в иную плоскость.

Определяющим сочтены не заглавие и форма повести "1001 день", но с в ж е т ы ее составляющие, а параллели ряду сюжетов этой повести находили среди сказок "1001 ночи" на арабском языке, в рукописях на персидском и турецком языках.

Занимаясь описанием рукописей персидского и таджикского фольклора из собрания ЛО ИВ АН мы имели возможность сопоставить сюжеты повести "1001 день" с хикаятами, существовавшими самостоятельно и включавшимися переписчиками то в один, то в другой сборник. Опираясь на этот материал, могу сказать, что для всех восьми основных рассказов повести в наших рукописях можно найти параллели.

Рамочный рассказ о кашмирской царевне, убоявшейся замужества из-за вещего сна, и царевиче Фаррухшахе, влюбившемся в нее также во сне, близок к хикаятам наших рукописей А 103₆,

В 256⁴⁴, В 4496⁵, С 1640⁹. Этот же рассказ встречен нами и в рукописи ГПБ им. Салтыкова-Щедрина (шифр Дотп 482), в списках Таджикистана, Узбекистана, в каталогах Перча и Эте - всего 10 списков.

Сюжетная схема первого вводного рассказа повести близка к хикаяту об Абу-л-Касиме списка А 103 и др. (всего 7 списков). В составе повести этот рассказ пронизан мыслью о дружбе, самопожертвовании; самостоятельно существующий хикаят - занимательные приключения богатого героя, вызывающего злобу местного правителя.

Второй вводный рассказ повести представляет собой контаминацию сюжетов рукописи В 256⁸ и В 256⁴⁸, причем в первой части сохранены завязка и имя главного героя (в форме Ризваншах вместо Ризваншад), а во второй говорится о соблюдении героем условия замужества (к первой части найдено 13, ко второй - 1 параллельный список).

Третий рассказ повести близок к рассказу А 103¹⁶ и др. (всего 8 списков). В повести логика поведения героя - временно-го мужа, не желающего разводиться с женой - более обоснована, так как он узнает в ней разыскиваемую возлюбленную.

Четвертый рассказ повести представляет собой контаминацию сюжетов В 256¹⁰ и С 1502¹ (вторая часть в 6 списках), причем имя героини - Турандот - сохранено в повести, а в самостоятельном существующем хикаяте среднеазиатских списков она именуется *ملله شهر روم* или просто *ملله*.

Рассказ о поисках беспечального (5-й повести) совпадает с хикаятами А 103¹¹ и др. (всего 9 списков) в основной идее: двое любящих живут под одной крышей, но не могут принадлежать друг другу. В повести эта тема развернута в завязке 5-го рассказа и в истории царевича Хормоза.

Рассказ о Наср ад-дауле (6-й повести) весьма близок к рассказу о Наср-и Аййаре и его благородстве, отмеченному в нашем описании в 8 списках.

Также близка к рассказу о Репсиме (7-й повести) контаминация сюжетов В 256³¹ и В 256³⁹ по 5 спискам.

Параллели, близкие нашим хикаятам, имеются и во вставных историях вводных рассказов повести "1001 день". Например, история Фаддаллы (ср. А 103¹), Малика и Ширин (ср. А 103¹³), Аруйи (ср. А 103¹²). Особенно существенно, что нередко совпадает не только сюжетная линия, но и имена собственные.

Итак, почти все рассказы, входящие в состав повести "1001 день" имели хождение на персидском языке. При этом следует отметить, что наша коллекция рукописей фольклора складывалась случайно и не может быть сочтена всеобъемлющей. Отсутствие в ней тех или иных хикаятов отнюдь не означает, что они не были популярны. Например, рассказ об Авиценне из повести "1001 день" отмечен Шовэном, как почерпнутый из произведений на турецком языке. Возможно, однако, он имел хождение и на персидском наряду с другими хикаятами об этом ученом, приведенными у Ауфи⁴. Более того, есть основания считать, что основной фонд популярных сюжетов был общим для всех народов, живших на торговых путях из арабских стран в Индию. Эти сюжеты переплетались, дополняя и видоизменяя друг друга. Зачастую лишь случайностью объясняется, на каком языке дошел до нас тот или иной хикаят.

Ареал распространения перечисленных рассказов был весьма обширным — от Индии (хикаяты, отмеченные в Каталогах Эте, Рье, наша рукопись В 256) до Средней Азии (рукописи А 103, В 4496, С 1640, списки таджикских и узбекских хранилищ).

К сожалению, дело каталогизации персидских рукописей из собраний Ирана движется медленно. Конкретными сведениями о количестве и содержании там рукописей фольклорных произведений мы пока почти не располагаем. Можно, однако, с уверенностью утверждать, во-первых, что в Иране немало таких рукописей, и, во-вторых, что в народе и по сей день такие произведения передаются из уст в уста.

Нужно учесть и еще одно обстоятельство — происхождение рукописей фольклора нашей коллекции. Это — простые, единообразные по оформлению, без миниатюр и других украшений, на обычной бумаге, написанные, как правило, небрежно, подчас с ошибками правописания. Внешний вид говорит о том, что их заказывали отнюдь не искусным каллиграфам, миниатюристам, переплетчикам, чья работа ценилась очень дорого, а ремесленникам книжного дела. Заказчиками были люди малоимущие, получившие начальное образование в мактабах — средней руки купцы, лавочники, мастера. Делались также списки и самими профессиональными рассказчиками для закрепления в памяти и расширения своего репертуара. Примечательно, что все они могут быть датированы не ранее середины XVIII века, подавляющее большинство переписано в XIX веке, т.е. появление их стало возможным в эпоху сравнительного распространения грамотности, тогда как в более ранний

период переписка такого рода произведений была относительной редкостью. Занятие это считалось недостойным. Видимо поэтому даже в списках XIX века имена переписчиков не указываются. Единственное исключение известно на сегодняшний день – сборник хикаятов, составитель которого назвал свое имя. Речь идет о сборнике *Og* 237 каталога Рье, составленном Саджванди в ХУП в. ⁹.

Эта рукопись по времени и предполагаемому месту переписки близка к той, что должна была находиться в руках Мухлиса, о которой писал Пти де ля Круа. Характерно, что Рье, востоковед конца XIX века, называет Саджванди автором рукописи *Og* 237. Аналогичное смешение понятий тем более простительно для Пти де ля Круа, жившего на 200 лет раньше. Мухлис, которого Пти де ля Круа представляет читателю как автора повести 1001 день, мог быть лишь регистратором ряда занимательных рассказов. Ясно только, что Мухлис, видимо, располагал набором сюжетов, с которыми Пти де ля Круа познакомил европейского читателя.

Какая доля литературной обработки этих сюжетов принадлежит Мухлису и какая – Пти де ля Круа – эти вопросы, быть может, удастся разрешить при полной каталогизации рукописей фольклора в Иране.

---

¹ *Les Mille et une nuit. Contes Arabes trad. en François* par M. Galland. t 1-12, Paris, 1704-1717.

² *Les Mille et un jour. Contes Persans, traduits en François* par M. Pétis de la Croix, t. 1-5, Paris, 1710-1712.

³ Chauvin, V., *Bibliographie des ouvrages arabes ...* vol. IV, Liège-Leipzig, 1900, p. 125.

⁴ Hizamu'd-din, Muhammad, *Introduction to the "Jawámi' ul-hikáyat wa lawámi 'u'r - riwáyat"* of 'Awfi, London 1929, № 104, 1988, 2000.

⁵ Rieu, Ch., *Catalogue of the Persian manuscripts in the British Museum*, vol. II, London, 1881, p. 759-760.